

О пятилѣткѣ и проблемѣ хозяйственной автаркіи

Единомышленники по «Новому Граду» уже неоднократно имѣли случай высказать свое отношеніе к евразійству, от котораго нас рѣшительно отдѣляет его послѣдняя готовность пожертвовать свободой ради идеократіи. В оправданіи политической свободы и разработкѣ новых форм свободнаго и в этом смыслѣ демократическаго строя, соответствующаго пореволюціонной ситуациі, мы видим даже одну из главных задач «Новаго Града». Разумѣется, мы не можем согласиться с напечатанной в настоящем номерѣ статьёй П. Н. Савицкаго, которая даже среди работ этого блестящаго, но всегда в плѣну своей идеологіи пребывающаго автора, выдѣляется своей евразійской заостренностью. Но она хороша уже тѣм, что ставит вопросы со всей возможной рѣзкостью, вызывая несогласных с ним на столь же точные и опредѣленные отвѣты.

1

Вопросы, вызываемые статьёй П. Н. Савицкаго, сводятся в основѣ своей к слѣдующим двум: 1. Является ли пятилѣтка «организацией промышленнаго подъема», обусловленнаго всѣм предыдущим экономическим развитіем Россіи, укладывающимся в органическую схему ея національнаго экономическаго роста и доказывающим фактическую самодостаточность Россіи, как особаго хозяйственнаго міра? 2. Может ли политика хозяйственной автаркіи, проводимая сейчас большевиками, быть признана правильной, как с точки зрѣнія національных интересов Россіи, так и с точки зрѣнія положительнаго соціальнаго идеала? От рѣшенія обоих этих основных вопросов зависит уже рѣшеніе и всѣх остальных, поднимаемых статей П. Савиц-

каго, как, на примѣр, вопрос о преодолѣніи конъюнктуры, о государственно-частной системѣ хозяйства и т. д.

Обращаясь к первому вопросу, мы должны сказать, что еще три года тому назад евразійцы не были одиноки в своем отношеніи к пятилѣткѣ, как к положительному фактору русскаго экономическаго развитія. Не только иностранные экономисты, но и нѣкоторые русскіе экономисты демократическаго лагеря эмиграціи были склонны до третьяго, «рѣшающаго» года пятилѣтки утверждать и «органичность» пятилѣтняго плана и независимость организуемаго им промышленнаго подъема Россіи от капиталистическаго хозяйства, в частности от мірового кризиса. Пятилѣтка, говорили они, измышлена не большевиками, а русскими спецами, включившими в нее предположенія, еще задолго до революціи разрабатывавшіяся русскими инженерами и экономистами. Если она будет осуществлена не на всѣ 100 процентов, а только на 50 или даже на 40, то все же она будет означать рѣшительный шаг вперед на пути русскаго экономическаго роста, и при том такой шаг, необходимость котораго предвидѣлась и требовалась русскими хозяйственными дѣятелями до революціи. Даже когда міровой хозяйственный кризис уже совершенно обозначился, тѣ же самые русскіе экономисты из демократическаго лагеря не утратили своего оптимизма по отношенію к пятилѣткѣ. Каким образом кризис капиталистическаго хозяйства, говорили они, может отразиться на строительствѣ пятилѣтки, протекающей в условіях независимаго от него социалистическаго хозяйственнаго строя?

Если чѣм-либо евразійскій подход к дѣлу отличается от этих взглядов, то только своим метафизическим обоснованіем. Нѣтъ нужды, что метафизическое обоснованіе П. Н. Савицким своей евразійской точки зрѣнія рядится в эмпирическія ризы діаграммы и статистической схемы. На примѣрѣ хотя бы марксизма мы видим, что, чѣм элементарнѣе метафизика, тѣм охотнѣе она принимает видимость эмпириі, в особенности той яко бы безспорной эмпириі, которая дается статистической схемой. От этого она не перестает быть метафизикой, в данном случаѣ метафизикой «организаціонной идеи», замѣнившей в евразій-

ствѣ метафизику «производственныхъ отношеній». От нас скрыты ея авторомъ тѣ способы вычисленія отдѣльныхъ показателей, да и самые показатели, сравненіе которыхъ привело его къ установленію имъ того, что онъ называетъ «ритмомъ русскаго экономическаго развитія», и мы не можемъ вслѣдъ за нимъ провѣрить правильность утверждаемаго имъ чередованія семилѣтнихъ періодовъ подъема и десятилѣтнихъ періодовъ депрессіи. Укажемъ только, что, если даже такой фактъ, какъ міровая война, который и евразійцы врядъ ли рѣшатся причислить къ фактамъ имманентнаго хозяйственнаго развитія Россіи-Евразіи, оказался не в состояніи, хотя бы только на одинъ годъ, сдвинуть ритмъ экономическаго развитія Россіи, то одно изъ двухъ: или ритмъ развитія есть метафизическая сущность, по отношенію къ которой безсильны всѣ факты эмпирической дѣйствительности, или подлинный ритмъ развитія не укладывается въ схему семи-десятилѣтняго чередованія. Впрочемъ, самое причисленіе лѣтъ войны къ годамъ промышленнаго подъема свидѣтельствуетъ о метафизическомъ подхождѣ къ вопросу: П. Н. Савицкій, очевидно, считаетъ, что увеличеніе выплавки стали и чугуна есть какой-то абсолютный показатель, независимо отъ того, идетъ ли выплавляемый металл на снаряды или на увеличеніе промышленнаго оборудованія страны.

Если отвлечься отъ всей этой эзогерической метафизики организаціонной идеи, то въ евразійскомъ отношеніи къ пятилѣткѣ остается безспорной нѣкоторая доля истины. Первоначальный пятилѣтній планъ, какъ онъ былъ задуманъ и начатъ исполненіемъ «правой оппозиціей», въ послѣдствіи разгромленной Сталинымъ, въ значительной своей части вытекалъ изъ потребностей страны, продолжая русское дореволюціонное экономическое развитіе, и постольку былъ и организаціей очереднаго промышленнаго подъема. Столь же безспорно однако, что экономическая политика Сталина, задавшаяся безумной цѣлью индустриализировать страну на основѣ столь же планомѣрнаго и систематическаго разрушенія рынка, сковала этотъ подъемъ, преждевременно задушила его, и при томъ въ срокъ, значительно болѣе короткий, чѣмъ это полагалось бы по схемѣ нашего автора. Если бы П. Н. Савицкій продолжилъ свои вычисленія до настоящаго

«завершающаго» года пятилѣтки, то, думается, он принужден был бы признать, что депрессія началась уже в 1932 г., т.-е. за год до положеннаго ей, согласно «ритму русскаго экономическаго развитія», срока. Утвержденіе его, что «строительство еще не приостановлено», «депрессія не началась», «промышленный подъем продолжается», противорѣчит всѣм данным совѣтской статистики, и никакими статистическими манипуляціями этого факта отмѣнить нельзя.

Существенен поэтому не вопрос о сроках, а другой, дѣйствительно, основной вопрос о том, в какой мѣрѣ совѣтское плановое хозяйство хоть в какой бы то ни было малой и искаженной степени является зародышем новой хозяйственной системы, преодолевающей вырождающуюся на Западѣ систему капитализма и соответствующей національным особенностям Россіи. На этот вопрос евразійцы дают двусмысленный и соблазнительный отвѣт. Ими отвергаются только «методы коммунистическаго дѣйствія», но, повидимому, не самая цѣль, которой, в силу «уловки исторіи», коммунисты безсознательно руководствуются. Между тѣм статья П. Н. Савицкаго сама дает данныя в пользу противоположнаго вывода. В «преодоленіи конъюнктуры», т.-е. смѣняющих друг друга волн подъема и депрессіи, справедливо видит П. Савицкій отличительную черту подлиннаго плановаго хозяйства. Совѣтское же хозяйство эпохи пятилѣтки не только не выправило конъюнктурной кривой капиталистическаго хозяйства, но, напротив, чрезвычайно усугубило ея кривизну. Форсировавъ до крайности подъем, оно подготовило почву для депрессіи, размѣры которой, в силу крайняго исчерпанія всѣх резервов, самим П. Савицким предвидятся как необычайные. Этим лишній раз подтверждается защищаемое нами положеніе, что совѣтское хозяйство отличается от капиталистическаго лишь тѣм, что всѣ отрицательныя начала послѣдняго находят в нем свое крайнее выраженіе (см. нашу статью в № 4 «Новаго Града»). Коммунизм — это есть капитализм в своей самой безудержной и беззащѣтной формѣ. Монополія внѣшней торговли, которой совѣтское хозяйство отрѣзано от міроваго, есть не что иное, как крайнее выраженіе той уродливой автаркіи, которая есть фактъ современ-

наго капиталистическаго хозяйства и один из самых ярких симптомов его вырожденія. И потому эта автаркія менѣе всего означает самодостаточность совѣтскаго хозяйства, его социалистическую независимость от міроваго капитализма.

Тѣм самым, с другой стороны, дается также и отвѣтъ на вопрос об «удачѣ» пятилѣтки. Как строительство новой хозяйственной системы, пятилѣтка явно не удалась. Удалась ли она, и насколько процентов, просто как хозяйственное строительство? В этом вопросѣ П. Н. Савицкій склонен занимать оптимистическую позицію. Не впадает ли он в данном случаѣ в соблазн смѣшенія техники и хозяйства, смѣшенія столь же понятнаго в устах иностраннаго инженера, сколь недопустимаго в устах русскаго экономиста? Вопрос заключается не в том, какая часть предложенной пятилѣтки окажется к концу 1932 года технически осуществленной, а какая часть основанных за время пятилѣтки хозяйственных предпріятій переживет наступившій уже період депрессіи. Если депрессія будет такова, какой ее ожидает П. Савицкій, если даже просто будет продолжаться нынѣшнее состояніе, и большинство совѣтских предпріятій окажутся через нѣкоторое время лишенными своих капиталов, то они должны будут прекратить работу, несмотря на все совершенство своего техническаго обрудованія. Чтобы пустить их в ход, придется обратиться все к тому же иностранному капиталу, освобожденіе от котораго составляло замысел и *raison d'être* пятилѣтки. В этом смыслѣ можно сказать уже сейчас, что пятилѣтка рухнула вся цѣликом, если даже и окажется вѣрным, что нѣкоторый процент технических сооружений, принадлежащих нынѣшним совѣтским предпріятіям, перейдет в наслѣдство к новым предпріятіям, которыя с помощью иностраннаго капитала придется основывать на развалинах рухнувших предпріятій совѣтских.

Таким образом ложны и губительны не только методы проведенія пятилѣтки, но ея метод, метод индустриализаціи страны через уничтоженіе покупательной силы населенія, т. е. через разрушеніе рынка. Поэтому никак нельзя согласиться с П. Н. Савицким, что большевики безсознательно, против своей воли, дѣлают національное дѣло. Единственно, что правиль-

но в пятилѣткѣ — это ея замысел индустриализаціи страны. Но, думается, вряд ли найдется хотя бы одно эмигрантское течение, которое не признавало бы этой правды пятилѣтки. Даже самые рьяные защитники «мірового хозяйства» и «естественнаго» раздѣленія труда между аграрными и промышленными странами, вряд ли будут оспаривать необходимость индустриализаціи Россіи, значит, и тѣх мѣр протекціонизма, без которых она, при нынѣшней исторической ситуаціи невозможна. С другой стороны, и П. Н. Савицкій вряд ли будет оспаривать и неизбежность широкаго использованія индустриализируемой Россіей иностранных капиталов, в особенности, если методы совѣтской индустриализаціи представляются ему самому неприемлемыми. Участіе Россіи в міровом хозяйствѣ является при этих условіях фактом, который в течение еще долгаго періода времени будет по необходимости опредѣлять экономическое развитіе Россіи.

2

Какой же смысл в таком случаѣ может имѣть идея хозяйственной автаркіи Евразіи? Надо сказать, что из всѣх мыслей, составляющих евразійское ученіе, идея хозяйственной автаркіи наименѣе евразійская. Сейчас это одна из наиболѣе интернаціональных мыслей, выдвигаемая во всѣх странах національными политическими группировками. В Германіи идея хозяйственной автаркіи защищается націонал-соціалистами, в Италіи — фашистами, в Англійи — консерваторами, в Польшѣ — идеологами національнаго блока, поддерживающими диктатуру Пилсудскаго. Этим мы отнюдь не хотим умалить оригинальности евразійцев, которым, повидимому, принадлежит пріоритет новаго обоснованія этой мысли в обстановкѣ послѣвоеннаго времени. Идея хозяйственной автаркіи безспорно важная и существенная идея, она должна быть обсуждена по существу, и при обсужденіи ея надлежит отрѣшиться от всѣх тѣх эмоцій, которыя вызываются у демократических теченій тѣм обстоятельством, что ее монополизировали сейчас націоналисты и диктатурщики всѣх стран. Прежде всего надо сказать, что

хозяйственная автаркія не есть сейчас только нѣчто желаемое, в осуществленіи чего право-лѣвые приверженцы диктатуры усматриваютъ путь к преодолѣнію капитализма. Хозяйственная автаркія есть, увы, фактъ современной дѣйствительности, громко заявляющій о своем существованіи и каждодневно увеличивающійся в своей подрывной, разрушительной силѣ. Таможенные, валютныя и всякаго рода другія заставы, которыми даже самыя мелкія государства отгородились сейчас друг от друга, каждодневно усиливая строгость ввозных и вывозных запрещеній и высоту таможенных ставок, есть мыслимый предѣлъ автаркіи. Крайним доктринерством было бы, однако, считать (как это дѣлаютъ нѣкоторые публицисты демократическаго лагеря нашей эмиграціи), что эта уже существующая нынѣ автаркія есть только плод политическаго націонализма. Какъ государство вмѣшивается в хозяйственную жизнь капиталистическихъ странъ против своей воли, будучи принужденнымъ к вмѣшательству силою обстоятельствъ, так и неистовствующая сейчасъ автаркія вызывается глубокими сдвигами внутри міроваго хозяйства, и трудно найти сейчасъ хоть одну политическую партію, какъ бы демократично и фритредерски ни была составлена ея программа, которая не приложила бы своихъ рукъ к созданію нынѣшняго положенія. Судьба англійскихъ трудовиковъ и англійскихъ либераловъ, безъ участія которыхъ в національномъ правительствѣ не могла бы никогда «перевернуться новая страница экономической исторіи Англій», в этомъ отношеніи достаточно показательна. Никакими выкриками по адресу націоналистическаго интернационала нельзя отмѣнить того факта, что автаркія есть симптомъ распада міроваго хозяйства прежняго капиталистическаго стилия, и что распадъ этотъ обусловленъ глубокими сдвигами внутри капиталистическаго рынка. Идеологія свободной торговли имѣла глубокой смыслъ тогда, когда Европа была какъ бы громаднымъ промышленнымъ городомъ на тѣлѣ міроваго капиталистическаго рынка, и когда возможности горизонтальнаго расширенія этого рынка были практически неограниченными. Правда, даже и тогда — в эпоху не утратившаго своей ликвидности капитала (см. нашу статью в № 3 «Новаго Града») — идеологія свободной торговли была внутри Европы

естественной идеологией тѣх стран, которыя ранѣ других успѣли индустриализироваться. Нынѣ, когда заморскія страны создали свою промышленность, и когда горизонтальное расширение достигло своего предѣла, видѣть в свободной торговлѣ панацею от всѣх бѣд — значит закрывать глаза на очевиднѣйшіе факты современной дѣйствительности. Европа должна как-то перестроить свое хозяйство, чтобы выйти из настоящаго кризиса, среди многообразных причин котораго упомянутые сдвиги в міровом хозяйствѣ составляют одну из существенных его слагаемых. Дальнѣйшее расширение рынка, невозможное впрелъ в горизонтальном направленіи, неизбѣжно должно будет принять направленіе вертикальное, т.-е. путь поднятія покупательной силы внутри отдѣльных стран, приобщеніе к рынку не отдаленных заморских селеній, а новых и новых пластов населенія внутри страны. Что это возможно лишь путем упорной и значительной реорганизациі промышленных стран Европы, хотя и реорганизациі их на совершенно новых принципах внесенія в запущенную деревню начал городской культуры, — об этом справедливо говорят новѣйшія аграрныя программы германской и австрійской социал-демократіи, также как и англійской рабочей партіи (см. мою статью в № 36 «Современных Записок»).

Безспорно, путь этот потребует большого творческаго усилія и больших жертв со стороны всѣх слоев населенія. Он потребует реорганизациі не только хозяйства, но и других сторон общественной жизни, в частности школы, особенно сельской. Весь сложный комплекс проблем, связанных с вертикальным расширеніем рынка, должен быть, наконец, поставлен. Если наши консерваторы из демократическаго лагеря его не ставят, то они этим не спасают демократіи, а ее дискредитируют и губят. Проблема не перестает быть проблемой от того, что ее увидѣли и поставили политическіе противники демократіи, что, напримѣр, проблема реаграризациі страны и реформы сельской школы поставлена хотя бы в Германіи кругом редакціи «Die Tat». Как бы ни были велики жертвы на этом пути, онѣ ничто в сравненіи с тѣм, что бы ожидало крестьянскія страны Европы, если бы, в результатѣ неожиданнаго торжества доктринне-

ров свободной торговли, Америкѣ и Австраліи было позволено затопить своей пшеницей европейскій рынок (срв. статью Н. Долинскаго в № 48 «Современныхъ Записокъ», в которой дана яркая характеристика аграрной революціи в Америкѣ и Австраліи, приведшая в теченіе нѣсколькихъ лѣтъ к снижению себѣстоимости производства в этихъ странахъ вдвое). Впрочемъ доктрина свободной торговли есть сейчасъ утопія, не меньшая, чѣмъ рецидивъ классическаго либерализма, предлагаемый экономистами типа Мизеса. Ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель, какъ бы сильны ни были либерализмъ и демократизмъ отвлеченно принимаемой имъ программы, просто не найдетъ в себѣ мужества проводить ее реально в жизнь. Доктрина свободной торговли есть сейчасъ не столько программа, сколько лицемѣрный отказъ отъ какой-либо практической программы.

Настоящая творческая программа не можетъ сейчасъ быть ни политикой автаркіи, в ея нынѣшнемъ видѣ, ни политикой ея отвлеченнаго отрицанія. Міровое хозяйство сейчасъ разрушено, и этотъ фактъ стабилизированной экономической войны всѣхъ противъ всѣхъ пріобрѣтаетъ особенно зловѣщій видъ на фонѣ успѣховъ техники, продолжающей неустанно преодолѣвать границы пространства и дающей современному человѣчеству в руки всѣ внѣшнія средства для установленія всеобщаго сотрудничества. Примитивная связь отвлеченной механической конкуренціи сейчасъ явно уже недостаточна для того, чтобы служить спайкой мірового хозяйства. Органическое же единство слишкомъ сложно, чтобы могло быть осуществлено сразу. Единственный путь, который намѣчается самъ собою, есть путь региональныхъ соглашеній, путь образованія большихъ «материковыхъ» экономическихъ системъ, осуществляющихъ внутри себя начало относительной хозяйственной автаркіи. Британская Имперія, Америка, Французская Имперія, Средняя Европа и т. п. крупныя объединенія являются необходимыми предварительными этапами на пути къ отдаленному еще сейчасъ идеалу новаго мірового хозяйства. В экономической области еще болѣе, чѣмъ в области политической, отвлеченное единство можетъ оказаться губительнымъ. Даже самые рьяные защитники Лиги Націй признаютъ сейчасъ необходимость перестройки ея на основѣ «международнаго

регіоналізма», справедливо полагає, що отвлеченное равенство ея нинѣшняго строєнія єсть одна из главных причин ея слабости (срв. книгу Г. Гурвича «Le temps présent et l'idée du droit social», 1931, II, гл. 3, § 1). В хозяйственной области повторєніє ошибок отвлеченной демократіи является особенно недопустимым. Выработка конкретных форм органической демократіи, — демократіи, соответствующей пореволюціонной ситуации, является здѣсь вопросом столь же настоятельным, сколь и отвѣтственным.

Как ни представлять себѣ в деталях этот материковый экономическій регіоналізм, одно не подлежит уже сейчас никакому сомнѣнію: Россія в предѣлах нинѣшняго СССР (возможно, со включеніем нѣкоторых лимитрофных стран) является, как и Британская Имперія и как Америка, естественной экономической системой будущаго «материковаго» хозяйства, вырастающаго на развалинах хозяйства міроваго. Утверждая хозяйственную автаркію Евразіи, евразійцы защищают позицію, гораздо болѣе прочную, чѣм позиція германских націонал-соціалистов или польских автаркистов. В особенности, если принять во вниманіе, что П. Н. Савицкій понимает автаркію не как абсолютную самодостаточность, а как относительную независимость данной экономической системы от других материковых систем.

В своей статьѣ П. Н. Савицкій связывает идею автаркіи с идеей плановаго хозяйства. Что устойчивость плановаго хозяйства предполагает большую независимость его от внѣшняго рынка, — это бесспорно. Вѣрно также и то, что плановое хозяйство должно будет покоиться в первую очередь на расширеніи рынка в вертикальном направленіи, т.-е. на развитіи покупательной силы собственнаго населенія. И в этом отношеніи подлинное плановое хозяйство является полной противоположностью хозяйства совѣтскаго, жертвующаго внутренним рынком ради рынка внѣшняго. Лишнее подтвержденіе нашей тезы, что совѣтское хозяйство єсть не плановое хозяйство, а крайній предѣл вырожденія хозяйства капиталистическаго (срв. нашу статью в № 3 и 4 «Новаго Града»). В теоріях автаркіи эти чисто экономическія соображенія отступают обыкновенно на задній план перед соображеніями политическими. Требуя

автаркія, німецкія націанал-соціалісты прамы заявляюць, што автаркія павіна забяспечыць незалежнасць Германіі на выпад вайны. Тот жа палітычэскі прывкус слышан і ў праграме фашыстаў і польскіх пілсудчыкаў, так жа як і ў сталінскай тэорыі сацыялізма ў адной страні. Автаркія мысліцца ў велькіх такіх выпадках, як орудзі велікодэражавнасці і імперіялізма. Вмѣсто аб'ектывацыі хазяйсва, асвободжэння яго ад палітыкі, мы імѣем здѣсь, напроціў, замысел падчыніць хазяйсва цѣлям дэражавства, сущэства котораго усматрываецца ў яго «естэственнаму» стрэманню к расшырэнню свай моцці. В гэтым адношэнню евразіяцы не саставляюць ісклучэння: для ных хазяйсвенная автаркія вытэкаецца з «арганізацыйнай ідэі», носіцелем котораю являецца дэражавства, а не з задачы «преодолѣння кон'юнктуры», т.-е. возмѣщенія хазяйсву, утратывшэму свай аўтаномізм, яго устойчывасці пудем яго ввутренней арганізацыі. Паслѣдній замысел подлиннаго плановаго хазяйсва заклучаецца ў яго аб'ектывацыі, ў ісклучэнню з хазяйсвенных адношэнняў начал прызвола, прэвращаюцых собственнасць з орудія прызводства ў орудзі класоваго і палітычэскаго дэражавства. Такова задача плановаго хазяйсва ввутры каждай аддѣльнай страны, і таковаю жа она толькі і можа быць во внѣ, во взымных адношэннях междо аддѣльными странами. Автаркія ў смыслѣ подчынення хазяйсва дэражавству, прэвращэння яго ў протос орудзі власти і велікодэражавной палітыкі дэражавства, прэвращаецца сбой прамую протывоположностъ плановому хазяйсву, которое ў полной мѣрѣ можа быць осущэствлено лншь на пудях мнра, а не вайны, т.-е. на пудях огранічэння суверенностн аддѣльных дэражавств хазяйсвенным междонародным правом. Как ввутры аддѣльнаго дэражавства плановое хазяйсво достнгаецца не вмѣшательством дэражавства, как властнаго союза, а проннзаніем хазяйсва соціальным правом і подчыненіем дэражавства послѣднэму (его «демократнзаціей»), точно так жа і устойчывостъ плановаго хазяйсва во внѣ абзепечнвается не дэражавственной монополіей внѣшней торговои, прэвращаюцой послѣднюю ў орудзі велікодэражавностн, а междонародными соглашеніями, руководнмыми чнсто хазяйсвенными мотнвами, т.-е. імѣюцнми цѣ-

лью своей наилучшее обезпеченіе и согласованіе интересов потребителей и производителей различных стран.

Уже из этих бѣглых соображеній явствует и наше отношеніе к «государственно-частной системѣ хозяйства» евразійцев. Что такое «государственно-частная система» П. Н. Савицкаго? Это есть система, «которая во главу угла ставит общее дѣло, но на служеніе ему привлекает также и частные интересы хозяйствующих лиц». Этим она отличается от капиталистическаго строя, в котором «во главѣ угла стоят частные интересы», только ограниченные «общим дѣлом», представленным государством. Этой перемѣны ударенія, по мнѣнію П. Н. Савицкаго, достаточно для того, чтобы преодолѣть противоположность капитализма-коммунизма. Как будто простая рядоположность двух начал достаточна для того, чтобы дать нѣчто большее, чѣм эклектическій «взаимный плагиат» между ними. Одно из двух: или государственно-частная система означает право государства вмѣшиваться в хозяйственную жизнь, — тогда это тот же «поздній капитализм». Или она означает абсолютное верховенство в хозяйственной жизни государства, по своему усмотрѣнію устанавливающаго объем «частно-хозяйственнаго сектора», — тогда это тот же Нэп, только открытый и честный, лишенный своего характера ловушки и провокаціи. Вмѣсто произвола отдѣльнаго лица, евразійская «государственно-частная система» устанавливает произвол государства, орудіем котораго и должна служить хозяйственная автаркія. Произвол от этого не перестает быть произволом, и не удивительно, что евразійство ищет выхода в идеократіи, т.-е. в передачѣ всей полноты государственной и хозяйственной власти в руки лиц, добрая воля и компетентность которых гарантируется не их заслугами, опытом и знаніями, а исповѣданіем ими нѣкоторой системы догматов. Вмѣсто объективизаціи хозяйства, достижимой лишь через исключеніе из него начала власти и господства, мы имѣем здѣсь обожествленіе власти, тот же имперіализм, составляющій существо современнаго — одинаково капиталистическаго и коммунистическаго — язычества.

С. Гессен.